

УДК 323+130.12

ИЗБИРАЯ ПАМЯТЬ? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ КАК АКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аникин Д.А., Линченко А.А.

В статье предпринимается попытка анализа трансформации взаимоотношений государственной власти и политических партий России в рамках реализации политики памяти. На основе контент-анализа в статье анализируются специфика использования образов прошлого в деятельности российских политических партий Государственной Думы VII созыва: упоминания об исторических периодах, частота упоминаний, функция высказывания, содержащая положительную, нейтральную или критическую оценку прошлого, тема преемственности исторического опыта российской государственности, практики реализации элементов политики памяти. Делается вывод, что камнем преткновения для основных парламентских партий становится советское прошлое, относительно которого находятся лишь отдельные точки соприкосновения. В современных условиях можно говорить о начале процесса формирования российскими партиями систематических стратегий осмысления прошлого. Стратегии исторической политики парламентских партий анализируются в контексте государственной политики памяти.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, политические партии, присвоение прошлого, преемственность, политическая конкуренция, Государственная Дума.

CHOOSING MEMORIES? RUSSIAN POLITICAL PARTIES AS ACTORS OF HISTORICAL POLICY

Anikin D.A., Linchenko A.A.

The article takes an attempt to analyse the transformation of relations between the state power and political parties in Russia within the framework of implementation the politics of memory. On the basis of the content analysis, the

article analyses the specifics of using the images of the past in the activities of the 7th State Duma's political parties: mentioning the historical periods, frequency of mentions, the function of a statement containing positive, neutral or critical assessments of the past, the theme of the continuity of historical experience of the Russian statehood, ways of implementation of some elements of the politics of memory. To sum up, the stumbling block for the main parliamentary parties becomes the Soviet past concerning which there are only separate points of correlation of all political forces. Today we can talk about the process set by the parties to develop the systematic strategies for comprehending the past. The article also analyses the history of the political parties in the context of the politics of memory.

Keywords: politics of memory, historical policy, political parties, appropriation of the past, continuity, political competition, State Duma.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации» и гранта Президента РФ МК-2596.2017.6 «Политика памяти в сетевом обществе: символические ресурсы и социальные риски».

Политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик. В этой связи, «историческая политика» является частным случаем политики памяти. Для нее характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование идеологических интересов.

В современном мире государства по-прежнему остаются основными акторами политики памяти, что связано с их возможностями конструирования коммеморативных практик, формирования и трансляции определенных образов прошлого посредством образовательных учреждений и средств массовой

информации. Однако восприятие пространства памяти как зоны разграничения исторических интересов отдельных государств представляется устаревшим в наши дни. Такая ситуация была, скорее, свойственна XIX веку. Как известно, идея национального государства с необходимостью предполагала наличие общего запаса воспоминаний, обеспечивающих консолидацию индивидов и сообществ в единое политическое образование. Современное общество представляет собой более сложный вариант пересечения политических практик, направленных на конструирование моделей обращения к прошлому. Государства утрачивают значительную часть своего символического потенциала, который перенимают на себя другие политические акторы, и в частности, политические партии, общественные организации и виртуальные сообщества. Создаваемые ими репрезентации прошлого включаются в общий спектр траекторий исторического сознания, в значительной степени влияя на трансформацию государственной политики памяти.

Вместе с тем, данная общая тенденция, характерная как для развитых, так и для развивающихся стран, должна учитывать особенности и специфику конфигурации отношений между различными акторами политики памяти. Это особенно важно в российских условиях, где пространство политики памяти отражает тенденции незавершенности демократических преобразований, рост консервативных настроений и общественной ностальгии, внешнеполитические противоречия с Западом. Заметим, что в последнее время интерес к негосударственным акторам политики памяти в России заметно возрос. Так, объектом внимания исследователей стали Церковь [17] и общественные организации [8]. Однако о российских политических партиях как о субъектах политики памяти написано мало и это представляется особенно интересным в год столетия революции в России.

Изучение российских политических партий как акторов политики памяти вряд ли возможно в рамках одной публикации. Что представляют собой ведущие думские политические партии России как субъекты исторической политики? Каковы их взаимоотношения с государством в рамках реализации их

исторической политики? Каковы особенности реализации исторической политики в деятельности ведущих думских политических партий? Изучению данных вопросов будет посвящена наша статья, основанная на результатах контент-анализа программных документов и ключевых проектов наиболее крупных политических партий России, вошедших в Государственную Думу VII созыва.

Память, партии и государство: a case of Russia

Партийная система Российской Федерации во многом является продуктом той конфигурации политического ландшафта, контуры которой были заложены еще в первые постсоветские годы, но которая окончательно сложилась в контексте политического реваншизма и патерналистских тенденций начала 2000-х годов.

В 90-ые годы государство устранилось от целенаправленной исторической политики, предпочитая ситуативные высказывания по поводу конкретных событий. Основные политические партии, сформировавшиеся в эти годы, избрали различные нарративы обращения к прошлому, стремясь соотнести определенную логичность и последовательность исторических взглядов с актуальной политической выгодой. Это представляется особенно заметным, например, в отношении репрезентации образов Октябрьской революции 1917 года.

Так, например, КРПФ сумела трансформировать значительную часть своих базовых положений, примирившись с ренессансом религиозности и восстановлением частной собственности, но представления об Октябрьской революции оказались «неудобной памятью», которая не могла быть выброшена из контекста коммунистической идеологии без ущерба для ее базовых оснований. Лидер партии Г.А. Зюганов отмечал в 1994 году, что «предпосылки российской революции зрели давно и последовательно, являясь в равной мере следствием ошибок русского правительства во внутренней политике и внешнего, разлагающего влияния западной цивилизации» [3, с. 143]. Иначе говоря, коммунистами данное историческое событие рассматривалось как

очередной эпизод противостояния России и Запада, причем с очевидным позитивным значением с точки зрения восстановления пошатнувшегося политического порядка.

Противоположная точка зрения на революционные события была представлена сторонниками либерального фланга, которые предпочитали видеть в ней крах реформирующегося социума, причину нереализованного превращения Российской империи в современное демократическое государство. Один из представителей «демократического лагеря» Г. Попов утверждал, что «Советский строй, в конечном счете, не разрешил ни одного из породивших его кризисов. Таков итог Октября для России» [11]. С ним солидаризировался идеолог экономической реформы 1992 г. Е.Т. Гайдар, ставший основателем партии «Выбор России». Он соотносил события 1917 года с трудной трансформацией постсоветской России, утверждая: «Либералам, демократам никогда не нужны великие потрясения. Потрясения – питательная среда авантюристов. Но если бы в 1989-90 гг. демократы ограничились такими словами, они бы слукавили. Надо было сменить отжившую себя систему. Задача была демонтировать ее мирным путем, с помощью эволюции, а не революции, но очевидно, что полностью избежать здесь потрясений было невозможно в принципе» [1].

Обращение государства к осмыслению Октябрьской революции в 90-ые годы не носило системного характера, и было, во многом, обусловлено конкретной политической ситуацией, а именно – потенциальной опасностью коммунистического реванша на выборах 1996 г. С этим связано подчеркивание негативного характера революционных изменений со стороны представителей официальной власти. Так руководитель администрации Президента РФ Н.Д. Егоров утверждал: «Нам придется снова выбирать между продолжением демократических реформ и поворотом вспять. Но назад дороги нет, сзади – пропасть. Еще одной разрушительной революции Россия просто не выдержит» [2].

Выборы в Государственную Думу в 2003 году окончательно продемонстрировали сложение многопартийной системы с отчетливым преобладанием одной партии – «Единой России». Необходимо сразу отметить, что подобная конфигурация партийной системы вкупе с активизацией государства в качестве субъекта исторической политики заметно снизила роль собственно партий в качестве ключевых игроков символической политики и политики памяти. Еще одним существенным фактором изменения исторической политики стало постепенное создание новых коммеморативных практик, нацеленных на символическое перекодирование тех элементов прошлого, которые могли быть привлекательными для электората. В частности, уже в 2004 г. дата 4 ноября была официально провозглашена Днем народного единства, в честь чего были проведены массовые мероприятия. Несмотря на то, что попытки уменьшить значимость годовщины Октябрьской революции предпринимались еще в 90-ые годы, обращение власти с опорой на правые и даже про-националистические политические силы, к альтернативным ресурсам прошлого оказалось достаточно успешным, по крайней мере, с точки зрения нейтрализации революционных коннотаций в массовом историческом сознании.

Существенным фактором, повлиявшим на "размывание" контуров символического пространства, явилась либерализация избирательного законодательства, имевшая место в 2012 году и существенно снизившая критерии формирования политической партии. Вместе с тем, можно выделить определенный "пул" партий, которые условно поделили спектр идеологических предпочтений, в силу чего они обладают относительно устойчивым и медленно меняющимся электоратом. По итогам последних парламентских выборов в 2016 году можно констатировать, что из 14 зарегистрированных партий лишь 4 смогли преодолеть установленный пятипроцентный барьер, создав фракции в обновленной Государственной Думе. Однозначным победителем стала партия «Единая Россия», набравшая более половины голосов избирателей, пришедших на участки (54, 2%), что обусловлено ее спецификой как классического примера

«партии избирателей». Занимая центристскую позицию и репрезентируя себя в качестве «партии Президента» данная партия автоматически ориентируется на тесное использование тех политических образов (и, в частности, элементов исторической политики), которые используются в официальном государственном дискурсе.

Наиболее существенной тенденцией является заметное ослабление социалистических партий, зато заметно укрепление на их фоне правого фланга политического спектра – ЛДПР, что демонстрирует постепенное усиление консервативных тенденций в массовом сознании. Понимание этого аспекта принципиально важно, потому что трансформация массового сознания ставит политические партии в ситуацию, когда они вынуждены демонстрировать приверженность «традиционным ценностям» даже в том случае, если их собственная идеологическая платформа слабо коррелирует с тем содержанием, которое может вкладываться в понятие традиционализма или консерватизма. В этом смысле устойчивая ориентация на поиск образцов и идеалов политической деятельности в прошлом определяет важность политики памяти в качестве неотъемлемого элемента политической идеологии даже в том случае, если она присутствует в лозунгах или программных заявлениях в латентном виде – как отсылки к определенным прецедентным текстам или фигурам отдельных исторических персонажей.

Можно констатировать, что в постсоветской России можно выделить две стадии взаимодействия государства и политических партий в качестве акторов политики памяти.

На *первой стадии*, сопровождавшейся деконструкцией системы базовых мифов, определявших советскую модель прошлого, выделяются две разнонаправленные тенденции. Во-первых, попытка сохранения в неизменном виде советской модели восприятия прошлого (КПРФ), а во-вторых актуализация альтернативных моделей восприятия прошлого, восходящих к имперской модификации (апологетика Николая II и/или Белого движения), либо предлагающих либерально-западнический взгляд на российскую историю

(ЛДПР, Яблоко). На этой стадии советское наследие служило неотъемлемым элементом построения моделей исторической памяти – либо в качестве основы, либо в качестве точки для отталкивания. При этом можно заметить, что вновь созданные государственные структуры практически устранились от формирования целенаправленной политики памяти, ограничиваясь лишь «косметическим ремонтом» тех историко-идеологических конструкций, которые окончательно сложились в позднесоветский период (исключительная роль Победы в Великой Отечественной войне).

На *второй стадии* происходит постепенное расширение тех исторических ресурсов, которые используются для легитимации политического порядка или поиска альтернативных оснований для его трансформации. Исчерпанность символических ресурсов недавнего прошлого вызывает потребность в поиске новых образов прошлого или переосмыслении тех устойчивых идеологических мифов, которые заимствовались не только из советской, но и из имперской историографии. При этом существенную роль играет тот факт, что отсутствие целенаправленной государственной политики памяти в первые послесоветские годы привело к формированию локальных коммеморативных практик, приватизирующих или претендующих на приватизацию наиболее значимых исторических образов и их вписывание в историю отдельных локальных сообществ.

Дробление единого пространства памяти, сформированного в советском обществе, а точнее – его преобразование в тезаурус автономных коммеморативных практик становится важным фактором, влияющим на процесс отношения к прошлому в современном российском обществе. Причем государство начинает играть не свойственную ему прежде роль – не рискуя принимать на себя ответственность за проведение целенаправленной исторической политики, оно начинает выполнять функции арбитра, пытаясь создать неустойчивое и подвижное равновесие между существующими моделями восприятия прошлого.

Присвоение прошлого в исторической политике ведущих политических партий России: опыт контент-анализа

Нами была использована, уточнена и дополнена методика исследования политических нарративов, разработанная О.Ю. Малиновой для анализа президентских посланий в аспекте исторической памяти [7, с. 370]. Таким образом, в качестве классифицирующих категорий для контент-анализа нами были использованы, во-первых, упоминания об исторических периодах, во-вторых, частота упоминаний, в-третьих, функция высказывания, содержащая положительную, нейтральную или критическую оценку прошлого, в-четвертых, тема преемственности исторического опыта российской государственности, в-пятых, сам факт наличия некоей общей политики памяти в концептуальном виде, в-шестых, практики реализации элементов политики памяти.

В ходе контент-анализа нами были изучены документы таких политических партий как «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Родина», «Гражданская платформа». Объектами изучения послужили, в первую очередь, предвыборные программы, партийная пресса, законодательные инициативы а также актуальная информация с официальных сайтов политических партий, отражающая их текущие мероприятия. Все отмеченные партии вошли в состав Государственной думы VII созыва (2016), а значит, потенциально они могут иметь значительное преимущество перед другими акторами политического пространства. Вместе тем, анализ данных партий был дополнен изучением программных документов партии «Яблоко», которая является одной из старейших и достаточно популярных политических партий, несмотря на то, что в Государственную Думу VII созыва она не вошла.

Отсылки к истории имеются во всех программах политических партий, однако наименьшее содержание прошлого в программных документах было выявлено у «Единой России» и «Справедливой России». Это не означает, что тема исторической памяти вообще отсутствует в деятельности данных партий. Речь в данном случае лишь идет о наличии именно большого количества аргументов, основанных на исторических выводах. Прошлое представлено в их

программных документах скорее, как объект восстановления памятников истории и помощь ветеранам Великой Отечественной войны («Единая Россия», «Справедливая Россия»), а также гражданам, пострадавшим во время Великой Отечественной войны («Справедливая Россия»). На наш взгляд, это является отражением сложностей системного понимания стратегии и векторов государственной политики памяти в современных условиях. Практически полное отсутствие отсылок к истории характеризует программные документы партии «Гражданская платформа» [12].

Иным образом выглядит ситуация в случае КПРФ, ЛДПР, «Родины» и партии «Яблоко». Более того, программные документы партий КПРФ и ЛДПР вообще построены на широких выводах философско-исторического и геополитического характера. В программе КПРФ отмечается: «российские коммунисты считают, что принципиальный спор между капитализмом и социализмом, под знаком которого прошло XX столетие, не завершён. Несмотря на временные отступления революционного движения, современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму... Происшедшая в СССР и в ряде других стран реставрация капитализма означает временное отступление социализма. Причём проиграл не социализм как общественный строй, а ранняя его форма» [14]. Еще более радикальными выглядят цитаты из политической программы ЛДПР: «Возвращение Крыма в Россию – это великое историческое свершение, и мы убеждены, что Россия имеет право на все свои исторические земли и должна приложить усилия к тому, чтобы мирным путем расширить границы, по крайней мере, до пределов бывшего СССР» [15]. Достаточно радикально высказывается лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов. Так, выступая на конференции «Нюрнбергский процесс – исторические уроки и современные реалии» 6 февраля 2017 года он заявил: «против многонационального русского мира вновь развёрнута война, российская цивилизация выстоит и победит, а совершившие преступления против народа Донбасса будут наказаны. Уроки Нюрнберга... вновь и вновь укажут путь» [9]. Программные документы партий

«Родина» и «Яблоко» содержат отсылки к истории только в рубриках, посвященных восстановлению культурно-исторического наследия, что само по себе важно, однако, не играет решающей роли в их политической концепции и стратегических принципах.

Наиболее часто упоминаемым историческим периодом в программных документах и литературе всех проанализированных партий является исторический период существования СССР, а также события, связанные с его созданием и крушением. При этом советский опыт оценивается в большей степени либо позитивно (КПРФ), либо негативно («Яблоко», «Родина»). Позиция ЛДПР в этой связи представляется крайне противоречивой. Это связано с тем, что основная критика советского периода ведется в рамках негативной деятельности советских вождей, в то время как военно-политическое значение СССР, его геополитические проекты рассматриваются в однозначно положительном ключе. Более того, провозглашается тезис: «ЛДПСС была единственной партией РСФСР, которая в 1991 г. открыто выступила в поддержку ГКЧП или другими словами – за последнюю попытку сохранить СССР» [15]. С февраля 2017 года на сайте ЛДПР проводился интернет-голосование по вопросу «25 лет назад состоялся референдум о сохранении СССР. Поддержали бы Вы сегодня сохранение Советского Союза?» [16].

Наиболее положительными образы советского прошлого представлены в рамках программных документов и информационных материалов КПРФ. «КПРФ убеждена: спасение Отечества – только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма» [14]. Более того, второй пункт программы КПРФ вообще носит название «Уроки истории и пути спасения Отечества», где показаны только наиболее однозначные достижения советской власти. Негативные страницы истории либо вообще опускаются, либо лидерами партии трактуются в апологетическом ключе. При этом, однозначно положительно оценивается вся эпоха Сталина и, в том числе, репрессии: «Конечно, среди большого числа заключенных были и невинные. Но в этот

предвоенный, военный и послевоенный периоды, в беспрецедентной по накалу борьбе, у Сталина не было иного выбора, кроме как проводить жесткую, направленную на укрепление порядка и дисциплины политику, твердо и решительно пресекать все действия, расшатывающие государство» [4, с. 53]. Близкие к власти «Единая Россия» и «Справедливая Россия» демонстрируют нейтральные оценки [6; 10].

Крайне негативные оценки у большинства политических партий связаны исключительно с постсоветским историческим опытом и историей России 1990-х годов. И в этом отношении, все политические партии современной России (за исключением партии «Яблоко») не только не стремятся вписать историю 90-х в единую историю страны, но наоборот используют этот переходный период российской истории в качестве объекта для критики и прояснения своей политической позиции.

В программных документах всех политических партий России, вошедших в VII Государственную Думу сам постсоветский период интерпретируется крайне негативно, либо как результат объективных обстоятельств («Единая Россия», «Справедливая Россия»), либо как результат предательства «псевдоэлиты» («Гражданская платформа»), либо как результат действий «носителей буржуазных взглядов», «антинародных сил», «мировых капиталистов» (КПРФ), либо как «глупость советских вождей» (ЛДПР), либо как совокупные действия «старых опарышей прозападного либерал-глобализма» и «вашингтонско-брюссельского обкома» («Родина»). Показательно в этой связи выступление заместителя секретаря Генсовета «Единой России», вице-спикера Госдумы Андрея Исаева, который в своем интервью «Российской газете» отметил: «Либерализм как идеология несостоятелен... В России самая либеральная власть установилась в феврале 1917 года. Была отменена смертная казнь в воюющей стране, полковые комитеты и собрания солдат обсуждали приказы командования. Чем это кончилось, мы знаем. В Германии самым либеральным режимом была

Веймарская республика. Результат тоже известен... Те, кто говорит, что России сегодня нужна либеральная повестка, хотят вернуть нас в девяностые годы» [5].

Наибольшая частота упоминаний прошлого в политических программах партий была выявлена в КПРФ (23 упоминания) и ЛПДР (21 упоминание), выделяющихся наиболее высоким уровнем радикализации политических лозунгов. В их случае опыт прошлого, а вернее его использование служит текущим политическим задачам, легитимируя идеологические программы и провозглашаемые лозунги данных партий. Другие партии продемонстрировали гораздо меньший количественный объем высказываний: Единая Россия – 3 упоминания, Справедливая Россия – 1 упоминание, Родина – 1 упоминание, Гражданская платформа – 2 упоминания, Яблоко – 9 упоминаний. В этой связи мы ориентировались исключительно на партийные программы, поскольку они являются единственным наиболее репрезентативным источником для всех партий, которые имеют разные информационные и финансовые возможности.

Однозначно выглядит тема исторической преемственности российской государственности. Несмотря на критику большевизма и отдельных элементов советского государства все ведущие политические партии заявляют о своем понимании исторической преемственности Российской империи – СССР – Российской Федерации. Более того, смена ориентиров политики памяти в президентских посланиях в эпоху В.В. Путина, указывающая на важную роль советского исторического опыта и необходимость искать преемственные связи, была однозначно принята большинством ведущих политических партий России.

В отличие от них, тема исторического разрыва оказывается одной из важнейших в партии «Яблоко», не прошедшей в Думу. В ее предвыборной программе отмечается: «Для развития диалога культур и народов на территории Российской Федерации критически важно перейти от колониальной, "кремлецентричной" концепции истории, когда тот или иной народ появляется в учебнике лишь с момента присоединения к России, – к осознанию истории всех народов нашей страны как предыстории новой России, чтобы возвращать с

помощью такого подхода чувство гражданской общности у людей на всей территории России... четко и недвусмысленно определить сферу правопреемственности современного российского государства. Современная Россия является правопреемницей Российского государства до Октябрьского переворота 1917 года. Российский народ никогда не избирал ни большевиков, ни Сталина на свободных выборах... Большевистская диктатура остановила естественное историческое развитие нашей страны, на многие десятилетия оторвала Россию от общего для всей Европы пути развития цивилизации. От сделанного огромным трудом российского народа за эти семь десятилетий сегодняшняя Россия не должна и не может отказываться» [13].

Не менее однозначными представляются выводы относительно наличия в программах и политических документах российских партий некоей единой стратегии политики памяти, наподобие молодежной, социальной, образовательной политики. Политические партии России демонстрируют только начало процесса формирования систематизированной, теоретически-обоснованной стратегии реализации политики памяти.

Определенные элементы стратегирования наблюдаются в программе «Яблока», где задачи сохранения исторической и культурной памяти связываются со следующими проблемами: «разрушение и утрата исторического и культурного наследия России, которое само по себе является "материальной", "вещественной" основой для памяти; низкий уровень исторического знания, позволяющий подменять историю России пропагандой, весьма слабое изучение истории человечества и опыта других стран; целенаправленное вытеснение из общественной памяти государственных преступлений последнего века, направленных против населения России и других стран, их сознательное замалчивание и отрицание. В результате беспамятства и неуважения к страданиям нашего народа создаются условия для повторения подобных преступлений в настоящем и будущем» [13]. Вместе с тем, имеет место известная резкость оценок и критический взгляд на возможность

взаимодействия с политической властью России в деле разрешения данных проблем.

Отдельные элементы политики памяти присутствуют в программных документах всех ключевых политических партий. В большинстве случаев это проявляется в ориентации на практическую деятельность по восстановлению памятников, храмов, оказание содействия военно-патриотическим организациям в поиске и захоронении останков солдат, заботу о ветеранах и «детях войны». Более того, проблемы истории и памяти фигурируют в качестве отдельного проекта в партии «Единая Россия» [6] и «Яблоко» [13]. У остальных партий мероприятия по сохранению исторической памяти оказались вписаны в блоки культурной, социальной и образовательной политики. Вместе с тем, среди многочисленных мероприятий, заявляемых или реализованных политическими партиями, преобладает тема Великой Отечественной войны (помощь ветеранам, установка памятников, создание мемориалов, адресная забота о детях войны). Именно на решение практических вопросов, связанных с сохранением памяти о Великой Отечественной войне направлены основные усилия всех проанализированных партий. Исключительно с темой Великой Отечественной войны и преодолением фашизма связаны все законодательные инициативы партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия» в последнее время. Так, возник закон, предложенный депутатом от «Единой России» Ириной Яровой и вводящий в УК новую статью 354.1 (реабилитация нацизма).

Таким образом, трансформация российского государства в 90-е и 2000-е годы в качестве агента политики памяти из разработчика в селектора формируемых общественными и политическими сообществами образов исторического прошлого, способствовала активизации негосударственных акторов политики памяти, среди которых политические партии всегда занимали особое место. Вместе с тем, несмотря на стабилизацию политической жизни в России и общественный запрос на политику памяти, ни одна из проанализированных партий не показала наличие четко сформулированной и целенаправленной стратегии политики памяти, наряду с молодежной,

образовательной или культурной политикой. Это связано с тем, что ресурс партий в исторической политике еще недостаточно задействован, хотя условия для этого созданы либерализацией законов в 2012 году.

История не стала полем примирения различных политических сил, а наоборот – интерпретации событий прошлого, в особенности советской и постсоветской эпохи демонстрируют крайне противоположные оценки. Более того, политические партии расходятся в понимании ключевых символов страны и наиболее важных памятных дат, признавая, при этом, важность исторической преемственности и необходимости сохранения политически значимых образов прошлого.

Наибольшее количество попыток использования прошлого было обнаружено у партий, являющихся наиболее радикальными в нынешней Думе (КПРФ, ЛДПР). Они продемонстрировали наибольшую частоту высказываний и наибольшую резкость оценок. Определенным общим фоном является доминирование советского прошлого в качестве главного объекта обсуждений. В большинстве случаев, оно оценивается позитивно, а крах СССР воспринимается как «предательство» страны внутренними силами при поддержке из-за рубежа. Тем не менее, большинство политических партий не являются активными акторами политики памяти, направляя свою деятельность в этой сфере на конкретные практики сохранения культурного наследия, установки памятников и поддержку ветеранов.

Специфика политики памяти в российском обществе заключается в том, что государство по-прежнему выступает основным (и, по сути, единственным) источником легитимации образов прошлого и репрезентирующих их коммеморативных практик. Поэтому можно констатировать, что роль политических партий в качестве акторов политики памяти во многом связана с конституированием определенных образов, их предложению в качестве символически значимых ресурсов, в то время как государство оставляет за собой право селекции и конфигурирования имеющихся образов с целью выстраивания компромиссного варианта отношения к прошлому. Подобное

разделение демонстрирует, что в российском обществе продолжают формироваться альтернативные акторы политики памяти, способные выступить полноценными участниками общественного диалога и гражданского согласия.

Список литературы:

1. Гайдар Е.Т. От выборов нельзя уйти или спрятаться. Их надо выиграть // Известия. 1995. № 64 (24423). 7 апреля.
2. Егоров Н. Д. Июньские выборы: за стабильность и за потрясения? // Российская газета. 1996. № 53. 29 марта.
3. Зюганов Г.А. Взгляд за горизонт // Обозреватель. 1994. № 18. С. 143.
4. Зюганов Г.А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. М.: Издательство ИТРК, 2010. С. 53.
5. Исаев А. Нужна ли России либеральная повестка? [Электронный ресурс] // Партия «Единая Россия» [сайт]. 13.01.2016. URL: <https://goo.gl/fYnLXZ> (дата обращения: 29.11.2017)
6. Историческая память. 2017. [Электронный ресурс] // Партия «Единая Россия» [сайт]. 2017. URL: <https://goo.gl/xqNrGb> (дата обращения: 29.11.2017).
7. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 368-395.
8. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. – Полития. 2013. № 4. С. 114-126.
9. Миронов С. Уроки Нюрнберга вновь и вновь укажут нам путь [Электронный ресурс] // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». 07.02.2017. URL: <https://goo.gl/R79yv8> (дата обращения: 29.11.2017).
10. Политический словарь партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». 2017. URL: <https://goo.gl/ZaKmcX> (дата обращения: 29.11.2017).

11. Попов Г. Месяц Скорпиона, год Красной Змеи // Известия. 1997. № 212 (25065). 6 ноября.

12. Предвыборная программа партии «Гражданская Платформа» на выборах в Государственную Думу седьмого созыва [Электронный ресурс] // Политическая партия «Гражданская платформа» [сайт]. 01.08.2016. URL: <https://goo.gl/qns9je> (дата обращения: 29.11.2017).

13. Предвыборная программа партии «Яблоко» «Уважение к человеку», 2016 год [Электронный ресурс] // Партия «Яблоко» [сайт]. 2016. URL: <https://goo.gl/1KkQME> (дата обращения: 29.11.2017).

14. Программа партии [Электронный ресурс] // Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» [сайт]. 2016. URL: <https://goo.gl/j9ugjs> (дата обращения: 29.11.2017).

15. Программа ЛДПР [Электронный ресурс] // Либерально-демократическая партия России [сайт]. 16.08.2017. URL: <https://goo.gl/MRt7Pq> (дата обращения: 29.11.2017).

16. Результаты опросов. 25 лет назад состоялся референдум о сохранении СССР. Поддержали бы Вы сегодня сохранение Советского Союза? [Электронный ресурс] // Либерально-демократическая партия России [сайт]. 2017. <https://goo.gl/Pv7MUE> (дата обращения: 29.11.2017).

17. Zimmermann M. Die Russische Orthodoxe Kirche als Erinnerungspolitische Akteur (1995-2009) Der Schießplatz Butovo als Fallbeispiel für die postsowjetische Gedenkkultur // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte – Akteure – Deutungen (Europas Osten im 20. Jahrhundert. Schriften des Imre-Kertész-Kollegs Jena, 4) / Jörg Ganzenmüller, Raphael Utz. Oldenbourg, München: de Gruyter, 2014. S. 59-90.

Сведения об авторах:

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the authors:

Anikin Daniil Alexandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

Linchenko Andrei Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Researcher of Lipetsk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: dandee@list.ru.

E-mail: linchenko1@mail.ru.